

**А. А. АКСЁНЧИКОВА-
БИРЮКОВА**

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ОСОБЕННОСТЯМИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЙ ДУ ФУ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Интерес к культуре и, в частности, к литературе Китая в последние годы неизменно растёт. По словам выдающегося специалиста в области китайского искусства академика В.М. Алексеева, китайская литература является мировой по значению, ибо она оказала огромное влияние на культуру, язык и литературу таких стран, как Япония и Корея. Китайская литература «в отличие от многих мировых литератур никогда не уничтожались, ни на один исторический момент не прекращались, а наоборот, все время развивались» [1, с. 41].

Лу Цзи (261–303) – один из ведущих литераторов и теоретиков литературы в средневековом Китае сказал об истинной литературе: «Она тысячулетья пройдёт и продолжит связующий брод...» [1, с. 265]. Так как она отражает мировоззрение не только поэта, но в какой-то степени и всего народа, передаёт те проблемы, которыми он жил, те ценности, которые были для него важны.

Перевод с китайского языка на русский сопряжён с некоторыми трудностями. Дело, в первую очередь, в коренном отличии китайского иероглифического письма от русского, «иероглиф многосторонен, он обладает множеством значений, которые употребляются в определенных контекстах, что создает сложность понимания поэтического текста» [2]. Кроме того, классическая поэзия Китая насыщена традиционными образами, которые символизируют устойчивые понятия. В ней присутствуют намёки и напоминания об исторических событиях и героях. Переводчику необходимо передать не только содержание стихотворения, настроения и образы, созданные в нём, но и всё своеобразие творческой манеры поэта.

Временем расцвета Китая и «золотым веком» китайской поэзии стало правление династии Тан (618–906 гг.). В эту эпоху творил «священномудрый поэт» Ду Фу (712–770 гг.), написавший около 1400 разнообразных стихотворений и создавший свой неповторимый стиль. Однако его поэзия связана также и с периодом начавшегося упадка империи, войнами, голодом и нищетой. Но несмотря на то, что жизнь Ду Фу была полна трудностей, неудач и разочарований, он, помимо стихотворений, связанных с социальными проблемами, писал о красоте мира, о гармоничном существовании человека и природы.

На протяжении всего творчества Ду Фу являлся приверженцем идей конфуцианства, проповедовавшим в своих стихотворениях нравственно-этические идеалы; глубоко переживавшим за судьбу своего народа поэтом-патриотом, воплотившим в своих творениях все страдания, выпавшие на его долю в период войн и смуты.

На русском языке с поэзией Ду Фу можно познакомиться благодаря переводам таких поэтов, как В. М. Алексеев, Э. В. Балашов, Л. З. Эйдлин, Ю. К. Щуцкий, Л. Е. Бежин, А. И. Гитович. Все они бережно относились к оригиналам, старались придерживаться стиля и формы автора. Однако каждый, безусловно, привносил в стихотворения своё понимание, своё видение той проблемы или тех образов, которые запечатлел в своих творениях Ду Фу.

Материалом исследования послужили два стихотворения Ду Фу, объединённые общим названием «Цюйцзян», в переводе А. И. Гитовича [3, с. 5]. В исследовании применён метод лингвостилистического анализа, позволяющий провести сопоставление текстов построчного перевода и художественного перевода на уровне значения и стилистических особенностей слов [4, с. 72].

Стихотворения написаны весной 758 года. Это время, когда танские войска смогли вернуть столицу Чанъан, что позволило Ду Фу возвратиться туда и поступить на службу. Однако вскоре, оклеветанный и впавший в немилость к императору, Ду Фу был уволен.

Для данного цикла стихотворений, как и для всей поэзии Ду Фу в целом, характерна лаконичность, а также наличие двух планов: внешнего – это те картины природы, которые видит поэт, и внутреннего – то настроение, те чувства и эмоции, которые он испытывает. В оригинале «Цюйцзян» представляет собой два восьмистрочных стихотворения. В переводе А. И. Гитовича количество строк увеличивается в два раза. Это даёт возможность переводчику развить мысль, высказанную Ду Фу, изменив, однако, при этом в чём-то смысловое наполнение стихотворения.

《曲江》(一) Qǔ jiāng «Цюйцзян» (1)

一片花飞减却春
Yí piàn huā fēi jiǎn què chūn
Лепесток падает, весна уходит.

风飘万点正愁人。
Fēng piāo wàn diǎn zhèng chóu rén
Тысячи цветов сорваны ветром печали.

且看欲尽花经眼
Qiě kàn yù jìn huā jīng yǎn
Когда падающие лепестки без остатка слетают перед глазами.
莫厌伤多酒入唇。
Mò yán shāng duō jiǔ rù chún
Не надоедает лить больше водки в рот.

江上小堂巢翡翠
Jiāng shàng xiǎo táng cháo fěi cuì
Жадеитовые птицы строят гнезда на корпусе над рекой.

«Цюйцзян» (1)

Перевод И. А. Гитовича
Увядший раньше времени
Цветок
Нас огорчает
Солнечной весной.
Но вечный ветер времени
Жесток –
Он всё сметёт
И всё возьмёт с собою.
И ты не в силах
Защитить цветы,
И время ты остановить
Не в силах –
Так пей вино
До самой темноты,
Чтобы от дум
Избавиться постылых.
Взгляни, как птицы
До седой зимы
На кладбище
Гнездятся без тревоги,

花边高冢卧麒麟。
Huā biān gāo zhǒng wò qí lín
Величественные каменные единороги лежат
на берегу лотосового сада.
细推物理须行乐
Xì tuī wù lǐ xū xíng lè
Если выясним суть процветания и падения, то
следует вовремя веселиться.
何用浮名绊此身。
Hé yòng fú míng bàn cǐ shēn
Зачем ограничиваться ложной славой?

Где, сторожа
Могильные холмы,
Гранитные
Лежат единороги
Пойми всё то,
Что ныне понял я, –
Не верь гордыне
Жадной и лукавой
Не потеряй,
Гонясь за жалкой славой,
И самый смысл
И радость бытия.

Первое стихотворение начинается строкой: *Лепесток падает, весна уходит*, которая не только создаёт реальную картину природы, но и наполнена глубоким философским смыслом. Падающий лепесток символизирует быстротекущее и вечно повторяющееся время. Во власти времени находится не только природа, но и сам человек. Это явление пусть и рождает печаль в душе, но оно естественно, ибо так устроен мир. В поэтическом тексте А. И. Гитовича появляется образ увядшего цветка, что несколько меняет смысловое наполнение строки. Речь уже не идёт о закономерных явлениях. Уточнение *раньше времени*, а также противопоставление *увядший цветок – солнечная весна* создаёт внутреннюю напряжённость и рождает сомнение в том, что всё происходящее в природе, неизбежно и естественно. Кроме того, местоимение *нас* придаёт строкам откровенно личностный характер.

Наполнена философскими образами и следующая строка: *Тысячи цветов сорваны ветром печали*. Мотив изменяющегося времени усилен словом *тысячи*. Ветер в китайской поэзии символизирует проявление глубинных сил космоса, крушащих всё на своём пути. Эта строка глубоко метафорична. В ней подчёркивается глубина печали, разлитой вокруг. Ничто, даже самое величественное, не устоит перед переменами, перед временем. Но в переводе А. И. Гитовича ощущается при этом и наличие дисгармонии в природе. Образ ветра рождает уже не горечь, а трагедию, ибо *ветер времени жесток* – он приобретает качество, присущее людям. Глаголы *сметёт, возьмёт* усиливают беспощадность ветра, его властность. Цветы не просто сорваны – жестокий ветер забирает их, нарушая тем самым законы естественной гармонии в природе.

Следующая строка, анализируемого стихотворения: *Когда падающие лепестки без остатка слетают перед глазами* – продолжает описание природы. Но на фоне этого описания уже чувствуется присутствие самого поэта. Он созерцает явления, происходящие в природе, но скрывает и не высказывает прямо свои чувства и переживания от увиденного увядания. Строке в переводе А. И. Гитовича присуще эмоциональное напряжение и выражение личного отношения поэта к происходящему, что не совсем характерно для поэзии эпохи Тан. Сочетание *не в силах*, повторяемое в начале и в конце строк, подчёркивает желание поэта остановить неумолимый бег времени, но

в то же время осознание беспомощности перед могуществом природы. При этом утрачивается спокойствие и философское отношение к происходящему.

Мысли о скоротечности жизни находят своё продолжение в строке: *Не надоедает лить больше водки в рот*. С одной стороны, увядание, которое наблюдает поэт, рождает в его душе желание развеять грусть крепким напитком. С другой стороны, льющийся хмельной напиток сам является метафорой быстротекущего времени, которым невозможно утолить жажду жизни. А. И. Гитович придаёт строкам больше трагизма, вводит новый образ – темноты, который символизирует конец человеческой жизни. При этом в строках он призывает использовать вино для забвения, что также не присуще философии поэта-конфуцианца, которым являлся Ду Фу.

Картины увядающей природы вызывают у Ду Фу мысли о недолгом процветании императорской династии, которой он служил. Строки: *Жадеитовые птицы строят гнезда на корпусе над рекой / Величественные каменные единороги лежат на берегу лotosового сада* представляют собой описание заброшенного императорского парка. Единороги – это мифические китайские животные, назначение которых – охранять покой усопших и отпугивать злых духов. Высеченные из камня единороги ставились по обе стороны от дороги, которая вела к могильным курганам, где были похоронены представители знати или высшие сановники государства. Образная система стихотворения сосредоточена в двух плоскостях: наверху – цветы, внизу – река, также являющаяся символом быстротечности и переменчивости жизни, подчёркивает запустение, в котором оказался императорский парк. В строках А. И. Гитовича мотив тоски отступает, благодаря употреблению сочетания *без тревоги*. Появляется мотив зарождения новой жизни.

В заключительных строках: *Если выясним суть процветания и падения, то следует вовремя веселиться / Зачем ограничиваться ложной славой?* Ду Фу делает философский вывод: осознав законы жизни, человек поймёт и то, что нужно радоваться каждому моменту своего существования. Риторический вопрос подчёркивает бренность материального мира. В переводе А. И. Гитовича последние строки приобретают иную смысловую окраску: поэт не говорит, в чём же смысл жизни. Он лишь даёт совет, который, по его мнению, поможет достичь радости в жизни. И также подчёркивает, что гордыня и мечты о славе – вот что мешает человеку добиться этого.

《曲江》(一) Qǔ jiāng «Цюйцзян» (2)
朝回日日典春衣
Cháo huí rì diǎn chūn yī
После дневной аудиенции отдаю
в заклад весеннюю одежду.
每日江头尽醉归。
Měi rì jiāng tóu jìn zuì guī
На берегу реки водку пью до опьянения,
возвращаюсь домой.
酒债寻常行处有

«Цюйцзян» (2)
Обычай этот
Мне судьбою дан –
Закладывать кабатчикам
Одежду:
Уже с утра
Лелею я надежду,
Что к ночи буду
Совершенно пьян.
Долг за вино –

jǐ zài xún cháng xíng chù yǒu
Из-за водки везде долги, они стали обычным
делом.

人生七十古来稀。

Rén shēng qī shí gǔ lái xī
Редкость, когда человек доживает
до семидесяти.

穿花蛺蝶深深见

Chuān huā jiá dié shēn shēn jiàn
Бабочки летают в глубине сада цветов.

点水蜻蜓款款飞。

Diǎn shuǐ qīng tíng kuǎn kuǎn fēi
Стрекозы скользят поверх воды.

传语风光共流转

Chuán yǔ fēng guāng gòng liú zhuǎn
Передают весне: давайте вместе останемся!

暂时相赏莫相违。

Zàn shí xiāng shǎng mò xiāng wéi
Хоть на время порадуемся друг другу, не
упустим время.

Святой на свете долг:
Будь в молодости
Пьяницей усердным.
Жить до ста лет
Дано немногим смертным,
А как бы в тридцать
Голос не умолк!
Сейчас весна,
И дни мои легки,
Гляжу: стрекозы
Над водой летают
И крылышками
Еле задевают
Поверхность
Очарованной реки.
И вот я говорю
Своей весне:
«Мы знаем,
Как меняется Природа,
Ты – только миг,
Ты – только Время Года,
Но в этот миг
Не изменяй ты мне!»

Второе стихотворение цикла не настолько метафорично, как первое. Оно начинается с перечисления будничных событий, происходящих с поэтом: *После дневной аудиенции отдаю в заклад весеннюю одежду. / На берегу реки водку пью до опьянения, возвращаюсь домой.* Автор немногословен, но эти строки несут большую смысловую нагрузку. В них чувствуется горечь от осознания своей бедности, внутреннее напряжение и тихая печаль от того, что закончилась весна. Строки также символизируют приближение старости поэта, возможно, даже некоего духовного опустошения. Ведь образ весны всегда ассоциируется с молодостью. Перевод А. И. Гитовича звучит очень эмоционально, однако он лишен той глубокой философской мысли. Автор вводит понятие судьбы, которая предопределила тяжёлое положение поэта, и тем самым оправдывает пьянство. Кроме того, нарушена последовательность событий. *Утро* и *ночь* связываются мотивом пьянства. Действия происходят не друг за другом, а по кругу, что придаёт строкам чувство трагизма, круговорота неприятных событий, из которых сложно найти выход.

Следующая строка стихотворения: *Из-за водки везде долги, они стали обычным делом* содержит причинно-следственную связь. Поэт объясняет: пьянство – причина бедности. Пьянство символизирует приходящие радости земной жизни, из-за которых человек может потерять себя. В поэтическом переводе А. И. Гитовича эпитет *святой* по отношению к слову *долг* узаконивает пьянство, делает его обычным явлением. А призыв *быть в молодости*

пьяницей усердным звучит слегка эпатажно. Он не характерен для кофуцианца, которым был Ду Фу.

В строке: *Редкость, когда человек доживает до семидесяти* поэт объясняет причину пьянства – жизнь коротка – и тем самым оправдывает его. У А. И. Гитовича использован резкий контраст, говорящий о быстротечности жизни, благодаря определению срока человеческой жизни: *сто лет и тридцать лет*, который также призван служить оправданием пьянства.

Далее поэт, словно бы сделав вывод, обращает свой взор на природу, где всё, как всегда, гармонично и прекрасно. *Бабочка* и *стрекоза* – символы счастья и возрождения, символы души человека. В то же время *вода* – метафора скоротечности бытия. Картина, изображённая поэтом, – напоминание о том, что жизнь чудесна, но в то же время быстротечна. А. И. Гитович вводит местоимение *мои* и глагол первого лица *гляжу*, что придаёт строке личностный характер, но делает при этом её менее гармоничной, менее психологичной.

Последние строки стихотворения: *Передают весне: давайте вместе останемся! / Хоть на время порадуемся друг другу, не упустим время* – это призыв радоваться каждому мгновению жизни. Слово *время* повторяется дважды, усиливая ощущение скоротечности жизни и понимание того, насколько она ценна. В переводе А. И. Гитовича эти строки приобретают несколько иной смысл. Если в оригинале к весне обращались бабочки и стрекозы, то в литературном переводе сам поэт обращается к природе. Дважды повторяющееся слово *миг*, однокоренные слова *меняется, изменяй* указывают на осознание того, что жизнь быстротечна, но даже за этот короткий промежуток времени, выделенный человеку, он желает быть счастливым, он должен быть таким.

Ду Фу считается одним из самых сложных для понимания китайских поэтов. А. И. Гитович при переводе двух стихотворений Ду Фу под общим названием «Цюйцзян» большое внимание уделил пониманию образов китайской классической поэзии, стараясь сохранить смысл и содержание стихотворений, но отразил при этом также и особенности своего мировоззрения, привнёс своё видение той проблемы, которую запечатлел в своих стихотворениях Ду Фу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, В. М.* Китайская литература. Избранные труды / В. М. Алексеев. – М., 1978. – 595 с.
2. *Акулина, К. В.* Проблематика художественного перевода китайской поэзии (на материале стихотворений Ли Бо) // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1332 – 1335. – URL : <https://moluch.ru/archive/89/18144/>. – Дата обращения: 07.02.2018.
3. *Ду, Фу.* Поэзия Ду Фу в переводах А. И. Гитовича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt. – Дата доступа: 15.02.2018.
4. *Ван, Ц., Колкер, Я. М.* Отражение философии конфуцианства в поэзии Ду Фу / Ц. Ван, Я. М. Колкер // Философские науки. – 2015. – № 1. – С. 66 – 75.